

К Р И Т И К А.

I.

T. Campanella.—Le poesie. Edizione completa v. 1°, 175 pp. v. 2°, pp. 169. Lanciano, 1913.

Нельзя не признать очень своевременнымъ это новое и полное собраніе стихотвореній Томаса Кампанеллы (1568—1639 гг.). Изучающимъ философію эпохи Возрожденія,—эпохи чрезвычайно значительной, ибо въ ней духовно родились всѣ потенціи новой европейской исторіи,—бросается въ глаза несправедливость по отношенію къ Кампанеллѣ, чинимая историками философіи. Въ то время какъ Д. Бруно пользуется необыкновеннымъ „фаворомъ“, и литература объ немъ разрослась до громадныхъ размѣровъ,—Кампанелла все время остается въ тѣни и на второмъ планѣ, хотя и по рѣзкой драматичности своей судьбы, и по крупному философскому дарованію, и по сравнительной „литературности“ и выразительной простотѣ своего стиля—онъ заслуживаетъ вполне самаго тщательнаго и внимательнаго изученія. Со времени *Rinnovamento delle'antica filosofia italiana* *gr. Теренція Маміани* (Парижъ 1835) и *Introduzione allo studio della filosofia свящ. Винченцо Джоберти* (Брюссель 1842) передъ итальянской мыслью съ большою остротою былъ поставленъ вопросъ о національной традиціи въ итальянской философіи, опираясь на которую можно было бы успѣшно и достойно бороться съ господствомъ иностранщины (въ тѣ времена французской). Вокругъ этого вопроса загорѣлась борьба, которая носила характеръ не столько историческій, сколько теоретическій, ибо главный участникъ этой борьбы Джоберти въ своей блестящей писательской дѣятельности старался выяснить

не то, какой *была* итальянская мысль въ ея исторіи, а то, какой она *должна быть* передъ лицомъ будущаго и настоящаго европейской мысли. Когда въ этотъ споръ вмѣшался талантливый гегельянецъ Спавента, послѣ смерти Джоберти открывшій „побѣдоносную“ кампанію противъ джобертіанства въ неаполитанскомъ университетѣ,—постановка вопроса съ гимомъ и крикомъ была „спущена“ съ той замѣчательной и единственной въ новое время принципиальной высоты, на которую ее вознесъ философскій геній Джоберти. Это несомнѣнное и рѣзкое ниспаденіе нѣсколько искупалось тѣмъ, что проникнутый тоносомъ большого, вселенскаго спора, размѣры котораго устанавливались Джоберти, Спавента по инерціи перенесъ часть „одушевленія“ въ *фактическое* изслѣдованіе того же самаго вопроса и рядомъ блестящихъ статей и изслѣдованій положилъ начало дѣйствительно историческому изученію итальянской философіи эпохи Возрожденія. Его ученикъ и послѣдователь Фьорентино съ большимъ талантомъ продолжилъ *линію* Спавенты, и въ рядѣ монографій,—отличительная черта которыхъ—гармоническое соединеніе недюжимой умозрительной мысли съ кропотливымъ архивнымъ изученіемъ матеріала,—охватилъ почти всю исторію итальянской философіи эпохи Возрожденія.

Кампанеллѣ какъ-то не посчастливилось въ этомъ бурномъ и быстромъ „возстановленіи“ прошлаго итальянской мысли. Спавента далъ тонкій и глубокий анализъ теоріи познанія Кампанеллы, Фьорентино искусно очертилъ общія линіи натурфилософіи Кампанеллы въ своей большой работѣ о Бернардинѣ Телезіи, д'Анкона—въ предисловіи къ сочиненіямъ Кампанеллы, а еще раньше Бальдакини, дали первый очеркъ біографіи, которая потомъ существенно была дополнена Чентофанти и Берти ¹⁾. Цѣлую эпоху составили неутомимыя и многотомныя изысканія Амабиле о „безразсудствахъ и заговорахъ“ Кампанеллы ²⁾. И все же, несмотря

¹⁾ *Centofanti*. T. Campanella e alcune sue lettere inedite Arch. stor. ital. 1866 t. IV. D. *Berti*. Lettere inedite di T. Campanella e catalogo dei suoi scritti Roma 1878. Онъ же: T. Campanella Nuova Autologia 1878, luglio, settembre, ottobre. Онъ же. Nuovi documenti su T. Campanella tratti dal carteggio di G. Fabri. Roma 1881.

²⁾ Работы Amabile:

a) Il codice delle lettere del Campanella nella Biblioteca nazionale etz. Napoli 1881.

на кажущееся обиліе работъ, мы должны констатировать, что Кампанелла до сихъ поръ не изученъ и представляетъ изъ себя въ значительной мѣрѣ дѣвственную почву. Ибо все перечисленное—не больше чѣмъ крупныя фрагменты и большіе отрывки, все это предварительныя этюды и изслѣдованія, лѣса для большой и цѣльной работы, которая еще не написана и ненаписанность которой особенно подчеркивается вышедшимъ собраніемъ стихотвореній Кампанеллы.

Вѣдь и эти стихотворенія говорятъ о „несчастливости“ Кампанеллы. Помини, вмѣстѣ съ другими историками литературы, считаетъ ихъ „лучшими стихотвореніями итальянскаго сенценти“ и вмѣстѣ съ тѣмъ полное и критическое изданіе ихъ появляется *впервые* въ 1913 году! Въ 1613 году, т. е. ровно триста лѣтъ тому назадъ Кампанелла, сидѣвшій тогда въ неаполитанскомъ Castel dell'Ovo, передалъ сборникъ своихъ стиховъ двумъ нѣмцамъ,—Товіи Адаму и Рудольфу фонъ Бюнау, привлеченнымъ славой Кампанеллы въ Неаполь и часто посѣщавшимъ несчастнаго узника. Этотъ сборникъ, содержащій далеко не всѣ стихотворенія Кампанеллы, а лишь тѣ, которыя онъ самъ считалъ лучшими, были отпечатаны (повидимому, во Франкфуртѣ, т. к. во Франкфуртѣ вышло нѣсколько другихъ произведеній Кампанеллы) въ 1622 году съ краткимъ ехросѣ cadaго стихотворенія и съ многочисленными ошибками. Въ Италію они, повидимому, совсѣмъ не дошли. Напавши на нихъ въ своихъ розыскахъ,

b) Fra T. Campanella, la sue conjura, i suoi processi e la sua pazzia. Zv. v. Napoli 1882.

c) Fra T. Campanella nei Castelli di Napoli in Roma ed in Parigi v. v. 2 Napoli 1882.

d) L' andata di Fra T. Campanella a Roma dopo la lunga prigionia di Napoli 1886.

Эти сочиненія вызвали полемику и новыя работы о Кампанеллѣ; изъ нихъ упомянемъ:

a) P. Pozza Fra T. Campanella giudicato nel secolo XIX. Lonigo 1885.

b) F. Fiorentino Il Campanella di Luigi Amabile. Archivio storico per le provincie napoletane 1883 пер. въ Studieritratti Bari 1911.

c) R. Mariano Fra T. Campanella del prof. Amabile Napoli 1888.

d) L. Amabile La relazione del prof. R. Mariano. Napoli 1888.

e) C. Faletti Del carattere di fra T. Campanella. Rivista storica italiana 1889.

j) L. Amabile Del carattere di fra T. Campanella. Atti dell' Academia Pontaniana 1890.

Гердеръ пришелъ отъ нихъ въ восторгъ и въ *Adrastea* напечаталъ нѣсколько стихотвореній въ своемъ переводѣ. До какой степени первое изданіе стало рѣдкимъ—показываютъ розыски цюрихскаго филолога Орелли, который, узнавъ о стихотвореніяхъ Кампанеллы по переводу Гердера, цѣлыхъ 25 лѣтъ не могъ добраться до *editio princeps* и, наконецъ добравшись, выпустилъ его въ свѣтъ (1834) полнымъ изданіемъ, воспроизведя всѣ старыя ошибки и прибавивъ къ нимъ новыя. Д'Анкона пытался бороться съ послѣдними въ своемъ двухтомномъ изданіи избранныхъ сочиненій Кампанеллы (1854), но съ малымъ успѣхомъ, и только въ изданіи настоящаго года, будемъ надѣяться, правильно разставлены знаки препинанія и устранены по крайней мѣрѣ грубыя ошибки.

Новое изданіе распадается на двѣ части. Въ первой—воспроизводится сборникъ стихотвореній, отданныхъ Кампанеллою Товіи Адаму, во второй—перепечатываются 67 новыхъ стихотвореній, найденныхъ Амабиле и напечатанныхъ имъ въ „Приложеніяхъ“ въ 3-мъ томѣ своей главной работы о Кампанеллѣ (1882),—и, наконецъ, большая латинская *Ecloga*, тоже разысканная Амабиле. Не малый интересъ представляютъ эти 67 стихотвореній! Они показываютъ, что, отдавая стихотворенія Т. Адаму, Кампанелла предварительно произвела очень строгій выборъ и выбрала не только лучшія въ эстетическомъ отношеніи, но и лучшія въ смыслѣ чистоты и высоты своего настроенія. А что изъ себя представляли тѣ многочисленные стихи, которые Кампанеллою забракованы и въ „Сборникъ“ не включены,—мы бы никогда не знали, еслибъ не „братъ“ Пьетро Понціо, который переписалъ небольшую часть изъ нихъ, найденную Амабиле. Кромѣ гнѣвныхъ обнаруженій противъ испанской тиранніи, которыя мы должны предположить содержащимися въ недошедшихъ до насъ стихотвореніяхъ Кампанеллы,—мы видимъ, что муза Кампанеллы иногда увижалась до весьма откровенныхъ восторговъ предъ Афродитой Пандемось. Стихотвореніе 129-ое озаглавлено: „Сонетъ, написанный авторомъ по поводу ванны, присланной ему его Дюнной, и въ которой она сначала вымылась“. Стихотвореніе 140-ое посвящено „пучку волосъ“—проникнуто не только яркой чувственностью (какъ стихотвореніе только что названное), но и языческою развязностью выраженій. Если мы вспомнимъ, что ихъ писалъ монахъ, и

монахъ глубоко вѣрующій по общей совокупности своего міровоззрѣнія, если мы примемъ во вниманіе, что это стихотвореніе переписано другимъ монахомъ (его начальникамъ по ордену)—поклонникомъ Кампанеллы, то мы должны заключить, что это и подобныя стихотворенія не вошли въ „Сборникъ“ подобно инвективамъ противъ испанской тираниі—по соображеніямъ *внѣшнимъ*, а не *внутреннимъ*, по соображеніямъ разсчета и цѣлесообразности, а не по соображеніямъ раскаянной критики и сознательной отвергнутости. Кампанелла нисколько *не стыдился* „ваннаго сонета“, и это лишній разъ подчеркиваетъ неимовѣрную степень паганизации и отпаденія, въ которыхъ находилась католическая Церковь въ эпоху Возрожденія. Не только придворная жизнь папы была совершенно *оміщена*, но и сознаніе пылко вѣрующаго монаха и глубокаго философа было внутренне плѣнено язычествомъ. Важно не то, что онъ обольщался грѣхомъ, какъ обольщаются всѣ люди грѣшныя, а то, что онъ не стыдился своего обольщенія и не отвергалъ его своимъ христіанскимъ сознаніемъ. И подумать только, что подобныя сонеты писалъ католическій монахъ какъ разъ въ тѣ 90-ые годы XVI столѣтія, которые ознаменованы процессомъ Д. Бруно, его сидѣніемъ по венеціанскимъ и римскимъ тюрьмамъ и его длинными допросами. Какими глазами могли смотрѣть инквизиторы, которые сами были не прочь написать или прочесть сонеты о „ваннѣ“,—на глубокаго и страшнаго мечтателя Бруно и въ чемъ передъ *ними* могъ виниться—этотъ духовный сынъ ихъ, повинный лишь въ разглашеніи *тайны отпаденія* католичества—на весь міръ и въ откровенной формѣ?

Въ первой части „ванныя“ „обмолвки“, по крайней мѣрѣ внѣшнія и, такъ сказать, формально преступныя устранены „цензурой“ самого Кампанеллы. Всѣ стихотворенія „Сборника“, предназначеннаго для печатанія, проникнуты чрезвычайно высокимъ религіознымъ настроеніемъ, окрылены свѣтлымъ метафизическимъ созерцаемъ. Три „первичности“—*primality*—въ первомъ и раннемъ сочиненіи о метафизикѣ, названнаго Необходимостью, Фатумомъ и Гармоніей, во второмъ же, болѣе зрѣломъ, одухотворенно-наименованнаго Могуществомъ, Мудростью и Любовью,—преимущественный и главный источникъ поэтическаго вдохновенія Кампа-

желлы. Большая часть сонетовъ и почти всѣ канцоны воспѣваютъ, или *Senno eterno*, или *Possanza, Sapienza, Amor*. Въ стихотвореніи, которымъ открывается сборникъ, и которое знаменательно названо *Proemio*, т. е. вступленіемъ во всю книгу, какъ бы почти содержащимъ идею всѣхъ дальнѣйшихъ поэтическихъ темъ,—Кампанелла возлагаетъ на себя миссію призвать міръ осуетившійся и хаотичный къ „молоку—его Матери“. Мать же его—Софія, вѣрная Мужу своему, Вѣчному Разуму. Ея силой Онъ проникаетъ легко и быстро во все существующее, познаетъ всякія вещи,—старыя и новыя, и становится активнымъ участникомъ ихъ бытія. „О друзья!—воскликаетъ онъ,—если весь міръ наша родина—бѣгите изъ школъ, уединившихся въ своихъ искусственныхъ понятіяхъ. Если вещи первѣ словъ, идите и знайте свою печаль, свое невѣжество и свою гордость въ пламени того огня, который я похитилъ у Солнца“. Уже въ этомъ сонетѣ внимательный анализъ можетъ открыть черты глубочайшей двойственности. Вѣчный Разумъ, Софія—понятія старыя, христіанскія. Кампанелла ихъ принимаетъ, ими горитъ и въ этомъ—одинъ полюсъ его душевнаго бытія, благочестиваго, христіанскаго. Но въ самомъ отношеніи къ этимъ вѣчнымъ понятіямъ, въ самомъ тоносѣ его горѣнія, который имѣетъ черты большого сходства съ „героическимъ неистовствомъ“, съ *furor eroico* Д. Бруно, легко могутъ быть констатированы черты антихристіанскія, люциферическія, челоуѣкобожескія. Пламень, которымъ горитъ онъ, *похищенъ, украденъ* у Солнца; оттѣнокъ насильственности подчеркнуть явнымъ намекомъ на богоборческій образъ Прометея. Насильственность разнуздываетъ силы самоутвержденія, грѣховной эмпирической самости, и „я“ Кампанеллы само собой подчеркивается въ своей притязательности, незамѣтно выдвигается на первый планъ: „пламень, который я похитилъ у Солнца—*fuoco che io rusai dal Sole*“. Такъ съ старыми христіанскими понятіями связывается новое *самочувствіе*, изъ этихъ понятій не только не вытекающее, но явно съ ними враждующее, ибо корень его въ уже происшедшемъ умопостигаемомъ отпаденіи отъ вселенскаго христіанства. Дальнѣйшая исторія осуществляетъ предварительный судъ надъ этимъ отпаденіемъ, дѣлая явнымъ то, что было тайнымъ. Новое самоощущеніе, реальность котораго мы только что подчеркнули въ Кампанеллѣ,

возрастая и укрѣпляясь, отвергаетъ тѣ старыя понятія, съ которыми она логически не связана, и изъ самаго глубокаго тона горѣнія Кампанеллы (и Бруно) послѣдовательно вытекаетъ полное забвеніе и вѣчнаго Разума и божественной Софіи, воцаряющееся въ новой исторіи. Но въ Кампанеллѣ еще реальны оба момента, и оба они совмѣщаются въ душевныхъ настроеніяхъ психологически цѣльныхъ и слитныхъ, документально отпечатлѣвшихся въ его поэзіи. Если у Петрарки—прообразаглубочайшей двойственности всего Возрожденія—по собственному признанію: *nè si nè no nel cuor non suonan intero* (ни да, ни нѣтъ не звучать въ сердцѣ всецѣло), то у Кампанеллы и „да“ и „нѣтъ“ звучать съ одинаковой силой, въ какой-то гармонической и наивной слитности, которая „разрывается“ уже въ Бруно рѣшительно и корибантически, и въ этомъ изумительномъ всемірно-историческомъ единоборствѣ между старымъ „да“ и новымъ „нѣтъ“ начинается побѣждать въ сознаніи европейскаго человѣчества моментъ новый, бунтарскій, человѣкобожескій. Кампанеллу въ нѣкоторомъ смыслѣ можно назвать Митенькой Возрожденія, италіанскимъ Дмитріемъ Карамазовымъ, ибо въ немъ идеаль Мадонны и идеаль Содомскій пребываютъ въ совершенной слитности. Широта, увидѣнная Достоевскимъ въ русской натурѣ, въ своемъ природномъ *status'ѣ* равно заинтересованной и „бездной вверху“ и „бездной внизу“, была основной чертой душевнаго склада людей Возрожденія, и это позволяетъ серьезно отнестись къ сравненію Кампанеллы съ Митенькой, т. к. въ *новой Европѣ*, съ угашеніемъ интереса къ „безднѣ вверху“—стала убывать все больше и больше безпредѣльная, „карамазовская“ широта, и замѣняться необычайною душевною узостью, кристаллически оформившись затвердѣвшими путами цивилизованной жизни. У Кампанеллы съ Митенькой общее—не только „широта натуры“, но и свѣтлая диэриамбическая настроенность, какаѣ-то стихійная потребность въ „гимнѣ“, въ славословіи, и, какъ „подземный человѣкъ“ Митенька, среди ужаса своей жизни замышляетъ воспѣть „изъ нѣдръ земли трагическій гимнъ Богу, у котораго радость“,—такъ и Кампанелла, среди ужасовъ тюремнаго заключенія, длившася 26 лѣтъ, съ семикратными пытками, все время воспѣваетъ великую Гармонію Космоса, благость и мудрость и мощь

вѣчнаго Разума. Читая стихи Кампанеллы подрядъ, поражаешься почти совершеннымъ отсутствіемъ мотива жалобы и раздраженія. Онъ все благословляетъ, все „принимаетъ“, и если въ немъ вспыхиваетъ гнѣвъ, то внѣ-личный, ничего общаго не имѣющій съ эмпирическими условіями его жизни. Онъ такъ чутокъ къ потустороннему, что различаетъ метафизическимъ слухомъ массы звуковъ, порождаемыхъ Космосомъ и мертвыхъ для уха обыкновеннаго человѣка. „Гармонія сферъ“ для него такое же данное, какъ для Пифагора и Данте, и при всей „подземности“ своей жизни, почти цѣликомъ проведенной въ тюрьмахъ, при всей „подземности“ своего сознанія, которое слитно-наивно заполняется „ванными“ моментами,—изъ самыхъ глубокихъ нѣдръ его существа стихійно просится „трагическій гимнъ Богу, у котораго радость“.

Но Дмитрій Карамазовъ, со всѣмъ хаосомъ и со всей безпредѣльной широтой природности, не есть „все“ своего же собственного сознанія. Онъ явленіе *около-церковное*, а не внутри-церковное. Въ его пребываетъ непоколебимый, имъ же самимъ признаваемый и выше себя ставимый—*камень церковности*. Поэтому всѣ апоріи и всѣ боренія Дмитрія Карамазова—лишь переходная „психологія“, а не окончательная „логика“ его существа,—феноменологія, а не ноуменологія, относится къ сферѣ душевности, а не къ сферѣ духовности. Поэтому и положеніе Митеньки сравнительно мало опасно и не страшно. Онъ—дѣйствующее лицо лишь своей индивидуальной трагедіи, но около него имъ же самимъ ощущается „хоръ“ церковнаго наученія, устами котораго говоритъ высшая, безотносительная Правда. Кампанелла же съ Бруно суть участники трагедіи не только индивидуальной, но и церковной, ибо „хоръ“ католической Церкви самъ ниспалъ до фатальнаго участія въ трагедіи, сталъ одной изъ тяжущихся сторонъ, полу-правдой, вмѣсто цѣльной правды, полу-правдой, на которую въ эпоху Возрожденія возстала полу-правда чело-вѣческая, гуманистическая, а въ эпохи послѣдующія стала побѣдосно тѣснить ее и торжествовать надъ нею. Поэтому двойственность Кампанеллы имѣетъ глубоко-трагическій характеръ. Фьорентино говоритъ: „Въ немъ двѣ души непримиримыя, несоединимыя были слиты въ одну, и живой конкретный контрастъ двухъ эпохъ воплотился въ одно лицо“.

Но для Фьорентино этотъ контрастъ лишь историческій, контрастъ двухъ эпохъ—и только. Для насъ же контрастъ гораздо глубже и значительнѣе, ибо въ сознаниі Кампанеллы, типическомъ для всего Возрожденія, новое боролось не просто со старымъ, а съ *вѣчнымъ*, и безсубъектная не-онтологическая эпоха новаго времени въ мукахъ рожденія убивала и умерщвляла раздробленные и разрозненные католическіе элементы церковности, которые въ своемъ источникѣ были субъектными и онтологическими. Поэтому трагедія Кампанеллы не около-церковная, а *внутри-церковная*. Его философское и религиозное сознание не просто феноменъ въ эволюці западно-европейскаго человѣчества, но и глубокій моментъ въ трагедіи католичества, отпавшаго отъ единства вселенской Церкви и „поведеннаго“ фатальнымъ потокомъ исторіи туда, куда въ своей молодости оно не захотѣло бы пойти (Юан. XXI, 18). Противорѣчія и двойственность въ сознаниі Кампанеллы имѣютъ поэтому глубоко-значительный и глубоко-показательный характеръ. Съ одной стороны, во имя католичества онъ предпринимаетъ „обличеніе“ протестантства, съ другой—противъ католичества изъ тюрьмы пишетъ благодарную Апологію Галилея, того самого Галилея, механистическіе принципы котораго отстоятъ много далѣе отъ церковнаго міропониманія, чѣмъ принципы Лютера или Кальвина (оба трактата недавно вышли новымъ и дешевымъ изданіемъ на итальянскомъ языкѣ у Караббы: *Apologia di Galileo e Dialogo politico contro luterani e calvinisti et altri eretici*. Lanciano 1912). Такъ, далѣе, Кампанелла совмѣщаетъ мечты о всемірномъ владычествѣ папства, т. е. по его мнѣнію *Церкви*, съ яркими платоническими грезами о „солнечномъ“ республиканско-коммунистическомъ строѣ, гдѣ исповѣдуютъ его, Кампанелловскую, очищенную, „реформированную“ философскую религію первичностей и обоготворяютъ *Possanza, Sapienza, Amor* (*Cilta del Sole* также вышло новымъ изданіемъ у Караббы вмѣстѣ съ первоначальнымъ наброскомъ. Lanciano 1913). И въ молодости даже, вдохновленный пророчествами Іоахима Флорскаго, св. Бригиды и обличеніями Саванороллы, онъ самъ становится апокалиптическимъ проповѣдникомъ страннаго и загадочнаго мятежа въ Калабріи (съ чего и начинаются его мучительныя скитанія по тюрьмамъ, которыя другъ его, вѣмецкій католикъ Т. Адамъ, съ глубоко-

мыслиемъ былъ склоненъ считать Божьимъ *наказаніемъ* за его измѣну своему истинному и невыполненному признанію). Такъ, наконецъ, въ философіи Кампанеллы сливается и мѣшается въ одно—догматическое сознаніе Церкви съ сенсуалистической философіей, начатой Б. Телезіо и сильно подвинутой Кампанеллой въ направленіи послѣдующаго европейскаго субъективизма (это отмѣчаютъ Спавента и Фьорентино).

Черты этой двойственной слитности красной нитью проходятъ и черезъ всю поэзію Кампанеллы, и могутъ быть отмѣчены даже въ наиболѣе возвышенныхъ его стихотвореніяхъ. Такъ, въ сонетѣ „Путь философіи“, часто цитируемомъ, онъ говоритъ:

Вселенная—книга, въ коей Умъ начерталъ
 Знаки свои Предвѣчный,—живая святыня,
 Въ коей, являя дѣла и примѣръ благостыни,
 Чудо отъ низа до верхняго верха Онъ изваялъ.
 Чтобъ духъ въ ней Судъ и Божье искусство читалъ,
 Горѣ восходилъ, минуя нечестья пустыню,
 „Миръ, Богомъ исполненный, я наполняю отнынѣ,
 „Въ Богѣ его созерцаю“—духъ чтобъ сказалъ.
 Но души книгами засушивъ, мы мертвые храмы
 Чуду такому противопоставить желаемъ
 Снимки плохіе съ природы живого Начала,
 Иль ссоры, позоръ, печали невѣжество, срамъ—
 Чѣмъ давній свой грѣхъ обнажаемъ.
 Ахъ, ради Бога вернемся къ Оригинулу!

Здѣсь старыя святоотеческія представленія о Природѣ, какъ о „неписанномъ кодексѣ“ слегка модифицируются прибавками, незамѣтно отъ нихъ отклоняющимися. Такъ, послѣдній стихъ: „Deh torniamo per Dio all Originale!“—имѣетъ *специфическій* смыслъ. „Вернемся къ Оригинулу“—leit-motiv всего Возрожденія. Если нужно возвращаться—значить нѣчто утеряно, а разъ утеряно, то потеря связана съ *виной*. Вину же нужно прежде всего искупить, если только хотятъ вернуться къ *тому*, отъ чего вина отдѣлила. Но объ искупленіи менѣе всего думаетъ Возрожденіе, ибо въ немъ развязываются и мощно освобождаются какъ разъ тѣ силы, которыя *порождены* были виною. Поэтому „возвратъ“ является номинальнымъ. „Возвращаются“ не къ оригинулу, отъ котораго отошли, а къ чему—то совсѣмъ *другому*. „Возвратчики“ оказались на самомъ дѣлѣ и *вызывателями новыхъ стихій*; а

„Вселенная—книга“, о которой еще говоритъ Кампанелла въ христіанскихъ терминахъ, фатально и неизбѣжно подмѣняется той „Вселенной—книгой“, о которой Галилей уже начнетъ говорить, вычеркнувъ изъ нея всѣ христіанскіе знаки и символы, поставивъ лишь бездушно „математическія языкъ, буквы котораго суть треугольники, круги и другія геометрическія фигуры“. Первые шаги къ этой подмѣнѣ мы можемъ отмѣтить даже въ Кампанеллѣ. Ибо однимъ своимъ, христіанскимъ,—полюсомъ говоря о вселенной, какъ неписанномъ Откровеніи, онъ другимъ „новымъ“ полюсомъ своего сознанія, утверждаетъ вещи совершенно съ этимъ несоединимыя. Въ духѣ всего Возрожденія, онъ называетъ міръ—„*большимъ и совершеннымъ животнымъ*“ (Il mondo è un animal grande e perfetto). „Мы же (люди) несовершенные черви и презрѣнная компанія, живущая и ютящаяся въ его чревѣ“. Земля—тоже животное, только меньшихъ размѣровъ, и мы относимся къ ней, какъ вши (!)—*pidocchi*—къ нашему тѣлу. Но „вши“ или „желудочные черви“—суть совершенные слѣпцы, не только *de facto*, но и *de jure*, ибо природа ихъ сознанія совершенно *несоизмѣрима* съ безпредѣльностью Вселенной. Между той и другой нѣтъ ничего *общаго*; поэтому для „червей“ и „вшей“ природа должна неизбѣжно *закрѣпиться*, стать непроницаемой, *перестать* быть неписаннымъ Откровеніемъ, ибо какое же откровеніе можетъ быть „вшамъ“? Итакъ, если Вселенная—животное, а мы—черви ея желудка. — то знать что-нибудь внутренно-иятимно, онтологически объ ея сущности и жизни мы ничего не можемъ. Нашъ удѣлъ лишь слѣпое „осязаніе“, въ которомъ міръ всегда „внѣшенъ“, феноменаленъ по отношенію къ намъ. И если мы къ этому основному ощущенію червя въ мірозданіи (а не падшаго „царя“, какъ въ христіанствѣ) прибавимъ формальныя способности человѣческаго разсудка,—то переходъ къ общеевропейской науко-образной доктрѣ о Природѣ станетъ очевиднымъ. И его дѣлаетъ уже самъ Кампанелла, ибо свое червеобразное „самоощущеніе“ онъ уже проецируетъ *во—внѣ*, и, чувствуя себя животнымъ, неизбѣжно и *міръ* признаетъ лишь животнымъ, пусть большимъ и совершеннымъ, но все-же только животнымъ. Итакъ, „софійное“ самочувствіе („Я сынъ Софіи и вѣчнаго Разума“) является преодолѣннымъ и замѣненнымъ самочувствіемъ „желудочнаго червя“, и міръ изъ Божьяго Откровенія пре-

вращается въ нѣчто абсолютно *закрытое*, ибо человѣкъ въ мірѣ—паразитъ и случайность. Но отсюда уже даже не нужно дѣлать вывода, ибо самъ онъ просится, къ случайности всего мірозданія, измѣреннаго сознаниемъ „вши“, т. е. къ механистической, абсолютно бездушнѣйшій точкѣ зрѣнія.

Кампанелла самъ какъ бы пораженъ неожиданными результатами своего самочувствія и зоветъ къ возврату, къ реформѣ, къ вѣчному Разуму и Софіи. Но эти зовы его—безсильные зовы погибающаго, имѣющіе лишь симптоматическое, а не реальное значеніе, ибо самъ Кампанелла внутренно полонъ ядовъ, вызвавшихъ болѣзненное разстройство въ организмъ европейскаго человѣчества. И т. к. католическая Церковь первая начала это дурное движеніе въ мірѣ, внутреннюю секуляризацию, т. е. омірщеніе и овнѣщеніе—въ институтъ абсолютизированнаго папства, то трагедія западнаго человѣчества остается безъ „хора“, поучающаго и очищающаго. Такимъ „хоромъ“, стоящимъ *надъ* трагедіей и *благодатно-выше* нея, можетъ быть лишь православіе, и пора сознать нашу обязанность, обязанность братской любви къ Западу—вмѣсто слабосильнаго пріятія въ себя болѣзней Запада, мужественно произнести вселенское слово православной истины, отъ которой спасеніе всему міру, т. е. и Западу.

В. Эрнъ.

II.

Paolo Sarpi.—Scritti filosofici inediti. (Pensieri.—L'arte di ben pensare). Lanciano, 1910.

Этотъ томикъ представляетъ большой интересъ въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, онъ дорисовываетъ замѣчательную личность венеціанскаго монаха Паоло Сарпи (1552—1623), отважившагося на блестящую церковно-юридическую защиту „яснѣйшей республики“ противъ абсолютистскихъ притязаній римскаго папоцезаризма. Во вторыхъ, онъ вноситъ нѣсколько новыхъ и весьма существенныхъ черточекъ въ наши представленія объ итальянской философіи эпохи Возрожденія.

До выхода въ свѣтъ этой книжки, въ которой опубликовано впервые небольшой трактатъ Сарпи объ „Искусствѣ